

Наверное, раз двести я проезжал на автомобиле по дороге Бежецк – Красный холм мимо поворота на Градницы, мимо знаменитого Дома поэтов. Сам – уроженец Бежецка, родился я еще тогда в деревянном городском роддоме №1, каждый год раза по четыре навещал родственников в Молоковском районе, а дорога на Градницы как раз на этом пути. Часто, опять же мимо этого поворота, ездил в Бежецк на базар за рыбой из Весьегонска, судак и караси здесь стоили в два раза дешевле, чем в Липецке, набирал целый армейский рюкзак. Особенно хороши были огромные волжские караси с темно-зеленой икрой. Вначале я даже подумал, что икра испорчена, но в родительской избе, в русской печи на чугунной сковородке темное – зеленая икра вдруг расцветала необыкновенным ярко – оранжевым цветком! Тут уж не до Дома поэтов! Но колхозного рынка в Бежецке больше нет, вместо него уже несколько лет супермаркет.

Все это время откладывал посещение усадьбы Гумилевых, внутренне искал причины, дескать, всегда успею, в следующий раз обязательно заеду. И автомобиль в очередной раз проезжал мимо неприметного поворота. Со стихами Гумилева я познакомился только во время учебы в Литинституте, тогда же, в перестройку, мне подарили недавно вышедший

объемный сборник его стихотворений в синей обложке. Но говорили о нем все еще шепотом. Поэзия его зацепила сразу необыкновенным поэтическим зрением и свежестью, особенно «имперские» его стихотворения:

Все, что нам снилось всегда и везде,
Наше желанье и страх,
Все отражалось, как в чистой воде,
В этих спокойных очах.

В мышцах жила несказанная мощь,
Нега – в изгибе колен,
Был он прекрасен, как облако, – вождь
Золотоносных Микен.

...Манит прозрачность глубоких озер,
Смотрит с укором заря.
Тягостен, тягостен этот позор –
Жить, потерявши царя!

(Воин Агамемнона)

Но в 2013 году случилось так, что ездить по этой дороге уже было не к кому. Впору вспомнить пророческие слова Мишеля Монтеня, написанные точно про такую же ситуацию: *«Человек – изумительно суетное, поистине непонятное и вечно колеблющееся существо».*

В Дом поэтов я все же попал, но только в 2018 году, когда в Бежецке знакомые краеведы организовали мой творческий вечер. Тогда и понял,

что это, может быть, единственная теперь возможность наконец-то посетить усадьбу Гумилевых. Только пришлось уже ехать на автомобиле не несколько знакомых километров, а 880 – от Липецка до Бежецка и еще километров двенадцать до Градниц.

Дом поэтов встретил щемящей пустотой малонаселенного места, тишиной сырой осени. Возле уютного усадебного деревянного дома с четырьмя мезонинами на все стороны света – храм святой Троицы XVIII века, как выяснилось, в нем венчались родители Николая Гумилева. Сейчас стоят одни краснокирпичные живописные руины, сохранились уникальные фрески. Но на входе в Дом поэтов теперь стоит аккуратный храм во имя святой благоверной княгини Анны Кашинской и Николая Чудотворца – небесных покровителей Анны Андреевны и Николая Степановича. Отдельно возвышается колоколенка. Строения новые, деревянные. Построили церковь и колокольню с помощью мецената. Признаться, на фоне исторического места смотрятся они чужеродно, есть какая-то кричащая современность этих построек из карандашно-ровных оранжевых евробревен с пластиковыми окнами, проглядывается диссонанс с темными стенами аккуратной старинной усадьбой. Построили меценаты – и на том большое спасибо, вложили миллионы рублей...

Дом поэтов уникален: в Тверской области – это единственный случай переноса усадебного дома с одного села в другое. Усадьба ныне стала мемориальным музеем, посвященным его знаменитым обитателям и владельцам. Дом сохранился, можно сказать, чудом. И чудо это оказалось исторически рукотворным. Его построили в конце XVIII века помещики Львовы в деревне Слепнёво, Бежецкого уезда. К этому роду принадлежала мать поэта Николая Гумилёва Анна Ивановна. Дом в Слепневе был ее добрым владением и некогда принадлежал предку офицеру – артиллеристу Льву Васильевичу Львову, участнику штурмов Очакова и Измаила. После революции семья Гумилёвых из усадебного дома в Слепневе переехала в Бежецк. В городе было легче найти продукты и прожить.

В барском доме новая власть разместила школу, это и спасло усадьбу от разорения, сохранив ее в первоизданном виде. Не пришлось даже делать перепланировку – большие комнаты

идеально подошли под начальные классы. Каким же чудесным образом переместился усадебный дом из Слепнева в соседние Градницы? В Градницах сгорела школа, а в Слепневе она была уже в ту пору очень малочисленна. По этой простой причине в 1935 году здание гумилевской усадьбы было разобрано и перевезено в Градницы. И тут знаменитому дому снова повезло, эту работу выполняли старые опытные плотники. Дом после его сборки в Градницах практически не претерпел никаких изменений. Даже настил полов, кровельное железо и перила лестницы были сохранены. Не изменилась и внутренняя планировка – учителей в Градницах она вполне устраивала. Дом, несмотря на вынужденный переезд, сохранил в себе дух подлинности и ауру знаменитого семейства.

Более того, краеведы, музейные работники и литераторы уверены, что если бы усадьбу Гумилевых не перенесли на новое место, она была бы разрушена. Ведь исчезла же полностью с лица земли вотчина Гумилевых – деревня Слепнёво!

В музее рассказали, что последняя жительница деревни – Надежда Ивановна Привалова умерла в 1986 году. В музее есть фотография этой старушки.

Теперь рассмотрим сам усадебный дом. Это только снаружи он кажется небольшим. На самом деле внутренние помещения светлы и просторны, а лестница на второй этаж вписана органично и удобно. Дом двухэтажный, если считать вторым этажом крестообразный мезонин с четырьмя симметрично расположенными комнатами. Как и раньше, комната Ахматовой и Гумилёва выходит окнами на север. В Градницах дом поставили так, как он стоял и в Слепневе. О своей комнате Ахматова писала:

...Отсюда раньше вижу я зарю,
Здесь солнца луч последний торжествует.
И часто в окна комнаты моей
Влетают ветры северных морей...

Слева была комната их сына Левы, справа – Анны Ивановны Гумилёвой, а напротив жила сестра Гумилёва – Александра Степановна Сверчкова. На первом этаже размещались столовая, гостиная и комнаты Кузьминых – Карваевых, внучек Варвары Ивановны Львовой. Полы были покрашены, на праздники или перед

гостями их натурали мастикой, чтобы они блестели. Печи в доме покрыты кафелем или пестрыми старинными изразцами. На зиму для сохранения тепла всегда вставлялись вторые рамы. По воспоминаниям очевидцев – жителей карельских деревень, которых в округе было множество, а Бежецкий район именовали Тверской Карелией, дом больше напоминал не барские хоромы, а большую старинную карельскую деревенскую избу. Такая же изба была у моего прадеда.

Через дорогу от дома рос фруктовый сад. Сама деревня Слепнёво располагалась западнее барской усадьбы.

О Слепневе Анна Андреевна вспоминала так, а гостили молодые супруги здесь каждое лето с 1911 до 1917:

«Слепнево для меня как арка в архитектуре. ... Сначала маленькая, потом все больше и больше и, наконец, полная свобода. ... Слепнево. Его великое значение в моей жизни. ... Слепнево – русская речь – природа – люди. ...».

В автобиографии Ахматова вспоминает детали слепневского пейзажа: «... «воротца», хлеба, хлеба». В то время землю берегли, все, что могли, использовали под пашню. Много было и скота. Пашни огораживали. В каждой деревне при въезде и выезде ставились обязательно воротца, которые нередко заменяли просто выдвигающимися жердями. Они задерживали езду, создавали неудобство: надо было слезать, чтобы открывать их. И существовал обычай: заметив приближение барского экипажа, дети бросались к воротцам, открывали и закрывали их. За это им полагалась плата – конфеты.

Жители деревни и помещики были неразрывно связаны с соседними Градницами. Там располагалась построенная в 1794 году Троицкая церковь. И последний путь что крестьян, что господ лежал в Градницы: своего погоста в Слепневе не было. Об этом есть строки Анны Андреевны:

*Буду тихо на погосте
Под доской дубовой спать,
Будешь, милый, к маме в гости
В воскресенье прибежать –
Через речку и по горке...*

Около церкви – фамильное кладбище Львовых. Поначалу стихи здесь не писались. Не сразу Анна Ахматова полюбила Слепнёво, она тяжело привыкала к местному патриархальному укладу жизни. Да и отношения со свекровью и золовкой были непростыми. Постепенно Ахматова привыкла к Слепнёву, сроднилась с ним и стала называть тверскую землю своей второй родиной, любимой стороной. Ахматову в Слепнёве привлекло устное народное творчество. Она едва ли не первой ввела элементы просторечия, частушки, плачи, заклинания, причитания в обиход высокой поэзии.

Скучно в Слепнёве никому не было. Катались на лошадях, играли в цирк, создавали домашние спектакли, вечера со стихами.

В цирковую программу входили также танцы на канате, хождение колесом. Анна Андреевна выступала как «женщина-змея», у неё была удивительная гибкость. Николай Степанович выступал в роли «директора цирка» в прадедушкином фраке и цилиндре, которые доставал из сундука на чердаке.

В 1989 году, к 100-летию со дня рождения Анны Ахматовой, здесь открыли первую экспозицию в ее честь – в залах мезонина. Но официальный статус музея Дому поэтов присвоили в 2008 году, когда он стал филиалом Тверского государственного объединенного музея в качестве музейно-литературного центра.

Биографы подсчитали, что Николай Степанович написал в Слепнёве около 40 стихотворений и несколько статей. Анна Андреевна только в 1914 году в Слепнёве написала сразу 150 стихотворений. Перед Первой мировой в Слепнёво было 30 дворов, они в два порядка спускались по восточному склону холма от вершины к подножию, к реке Каменка, на которой стоял высокий деревянный мост, его не затапливало даже в половодье. Реки на севере Тверской области насквозь прозрачные с каменистым дном. Вот и Каменка. А дожди здесь пахнут грибами. Сохранилась фотография Анны Ахматовой на этом мосту. Как хотелось проститься со Слепнёвым и усадьбой поэтов именно на мосту через Каменку! Но моста давно уже нет, был бы только незримый мост между нашими временами...